

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 910.1

М.В. Кирчанов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

Анализируются проблемы генезиса и методологические основания американской культурной географии. Культурная география — междисциплинарное поле географических и культурных штудий. Первые элементы культурной географии датированы 1950- и 1960-ми гг. Культурная география была институционализована в 1980-е гг. Концепты «воображение» и «изобретение» играют особую роль в развитии культурно-географических исследований. Современная культурная география принадлежит к числу динамично развивающихся междисциплинарных направлений в географии.

Ключевые слова: методология, география, культурная география, «воображение», «изобретение».

Географические исследования в западных странах на современном этапе развиваются в условиях значительного междисциплинарного синтеза. Сферой сближения географических наук со смежными дисциплинами стала культурная география, сфокусированная на изучении широкого круга вопросов, связанных с коллективными представлениями о пространстве, его месте в различных культурах, пространственных трансформациях в условиях модернизации, распада традиционных обществ и процесса глобализации. Процессы глобализации в мировой науке привели к тому, что основные теоретические и методологические векторы в развитии географических исследований определяются англоязычными, преимущественно американскими или канадскими, учеными. Специфика развития американской культурной географии, сложившиеся в ее рамках школы и направления исследований остаются в числе тем, малоизученных российскими географами и представителями смежных наук. Поэтому в настоящей статье автор уделяет большое внимание теоретическим и методологическим вопросам развития культурной географии Запада как одной из ведущих школ в современном географическом знании.

В современной североамериканской культурной географии значительное внимание обращается на вопросы методологии географии как науки. Американский географ Ричард Райт [103] в конце 1990-х гг., определяя специфику развития географических знаний на современном этапе, констатировал наличие тенденций к «повторному открытию» географии как научной дисциплины. По мнению Р. Райта, «географическое понимание» нуждалось в переосмыслении. Трансформации в географической науке он связывал с утверждением постмодернистских интерпретаций и динамичным развитием «критической социальной теории», обязанной своим появлением структурализму [52]. Новые тенденции в развитии западной географии стали заметны во второй половине 1970-х гг. [101], когда было указано на необходимость и продуктивность междисциплинарного синтеза географии с другими областями негеографического знания, связанного в большей степени с «человеческим» измерением в истории. Предпосылки подобных тенденций стали заметны в американской географии во второй половине 1970-х гг., когда Джон Райт [102] указывал на роль воображения и интеллектуальной, культурной составляющей в географическом исследовании. В 1970-е гг. был актуализирован тот ревизионистский контент, заложенный в более ранних исследованиях, в которых использовался термин «human geography» [46], хотя на протяжении первой половины XX в. это течение не имело самостоятельного и самостоятельного значения в условиях доминирования традиционных, ортодоксальных интерпретаций, которые преобладали в зарубежной географической науке, в первую очередь — в физической географии.

Генезис культурной географии был связан с ревизией традиционных для географической науки методов исследования. В 1970-е гг. американскими географами была поставлена под сомнение

© Кирчанов М.В., 2015

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент факультета международных отношений Воронежского государственного университета, 394000, г. Воронеж, Московский пр-т, 88. E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

универсальность ранее применяемых методов, в том числе и в рамках политической географии [91], которая в большей степени начинала пересекаться с экономической и социальной географией, что оказало существенное влияние на генезис нового канона географического знания. Во второй половине 1970-х гг. сторонники новой методологии, недовольные как политикой США, так и статусом науки, связанные с протестными и альтернативными движениями, «новыми левыми» и другими протестно ориентированными интеллектуалами, консолидировались вокруг т.н. «радикальной географии» [77], которая занималась изучением тем, позднее оказавшихся в центре культурной географии, и, таким образом, предшествовала ее институционализации.

Именно 1970-е гг. стали периодом формирования канона того, что позднее стало известно как «культурная география». Тематика исследований была достаточно разнообразной, но уже в 1970-е гг. был актуализирован междисциплинарный потенциал новой версии гуманитарного знания. Поэтому в 1970-е гг. исследовались не только теоретические проблемы [17] нового нарождавшегося направления в географии. В рамках подобных теоретических научных исследований [5; 19; 86] предпринималась попытка актуализировать альтернативность [63] новейших для того времени тенденций в географии наиболее традиционным и консервативным течениям. Вследствие этого во второй половине 1970-х гг., в условиях дискуссии относительно роли идеологической компоненты [7] в научном знании, в том числе и в географии, первые культурные географы указывали на необходимость активного использования методов социальных и гуманитарных наук для изучения не только географии в ее традиционном понимании, но и того, как различные человеческие сообщества используют пространство и время [92].

Кроме этого, на этапе генезиса культурной географии изучался самый широкий круг проблем, которые могли и не иметь непосредственного отношения к более ранней географии. Поэтому первые культурные географы изучали не только авторитарный опыт трансформации пространства (на примере развития советского городского планирования [15]), городской фактор в организации и трансформации пространства [60] (будущая урбанистическая география), но и проблемы населения (population geography) [30–31]. Влияние постмодерна на гуманитарные науки оказалось столь велико и универсально, что представители, казалось бы, негуманитарных наук или дисциплин со спорным статусом заговорили о своей сфере деятельности в постмодернистском прочтении, что способствовало появлению «постмодернистских географий» [86]. Ситуация постмодерна в географии привела к деконструкции пространства в его традиционном понимании и формированию феноменологических географий [10] и особого направления деконструктивной географии [2], которая не разрушает старые представления о мире, но в большей степени демонтирует их, предлагая новые изобретенные / воображенные / сконструированные восприятия и интерпретации [55], лишённые строгого внутреннего единства. Все эти подходы позднее оказались интегрированными в методологический инструментарий культурной географии.

Другим новым направлением в развитии географического знания, которое сыграло свою роль в генезисе культурной географии, стала психогеография [19], связанная, например, с изучением ментальных оснований различных восточных идентичностей и того, как они влияют на воображаемое пространство Северной Америки [59]. В подобной ситуации в американской географии все громче в первой половине 2000-х гг. стали звучать голоса о «психоаналитическом повороте» [77], который проявляется во все большем размывании предмета и объекта географического знания в его ортодоксальной форме. Кроме этого, американские географы указывали и на актуальность полевых исследований для географии [69]. Правда, акцент подобных констатаций в значительной степени изменился и был перенесен с изучения физической географии на анализ социальной и культурной географической специфики тех или иных регионов, а также различных аспектов психологии [88], что указывает на разрушение методологической замкнутости зарубежной географии, ее связь с другими науками и использование методов, заимствованных не только из гуманитарного и общественного знания, но и из медицины.

Истоки этих постмодернистских географий дискуссионны. Вероятно, особую роль в генезисе того, что условно можно определить как новая география — культурная, социокультурная, воображаемая, сыграл тот мощный интеллектуальный подъем, который во второй половине 1970-х–1980-е гг. пережили гуманитарные науки Запада, когда западные интеллектуалы, в большей или меньшей степени, работали в рамках «воображаемой» парадигмы. Генеалогия новой географии не ограничивается только этими фигурами и поэтому сами географы, сторонники новой радикальной эпистемологии, особое внимание уделяют проблемам истории географической науки. Некоторые американские географы [11–12] склонны искать истоки востребованной теории детерриториализации

в работах немецких авторов периода национал-социалистической диктатуры [13], хотя между 1933 и 1945 гг. в некоторые современные концепты вкладывалось качественно иное, ненаучное, содержание. Другие авторы [39] не столь радикальны, стремясь связать современные тенденции в развитии географии с американскими геоэкономическими интерпретациями начала XX в.

Утверждение принципов мультидисциплинарности в контексте незавершающегося и неумирающего постмодерна совпало, как полагает Кэй Андерсон [8], с периодом *fin de siècle* — культурным феноменом грани эпох — чрезвычайно продуктивным временем для теоретических и методологических размышлений, в том числе и в географии о пройденном пути. Среди важнейших признаний американских географов следует признать сближение географии и философии, в особенности с феноменологией [78]. По мнению Эдварда Кэйси [28], две науки сблизились потому, что в центре их внимания оказались сходные проблемы — пространство не как физическое явление, но пространство в контексте опыта тех или иных групп и сообществ. Сосредоточение на изучении групп и групповых географических представлений привело к появлению и антропологической географии [81], сфокусированной на более детальном изучении пребывания человека как *homo geographicus* в пространстве, его влиянии на ландшафт.

Подобное благоприятное стечение обстоятельств вызвало рост и развитие культурно-географических исследований — «культурной географии» [18], канон которой был создан благодаря деятельности целого поколения американских географов [47], в особенности Вилбура Зелински [74], и начиная с 1983 г. журнала «*Journal of Cultural Geography*» [93]. Помимо Северной Америки культурные географические исследования динамично развиваются также в Океании, Латинской Америке и в Европе, хотя общий тон в этом направлении географического знания задается англоязычными публикациями [63], которые формируют и составляют современный культурно-географический канон. В целом, «пространство, место и природа часто воспринимаются в качестве трех основных источников, которые содействуют географическому воображению» [54], но утверждение новых принципов в географии содействовало появлению в научном сообществе качественно других представлений о времени и пространстве [4] в контексте географии как формы знания. Это привело и к ревизии представлений относительно традиционной категории географии анализа — пространства, которое начинает в меньшей степени восприниматься как почти исключительно физическое явление, рассматриваясь как совокупность культурных представлений. Это, в свою очередь, содействовало еще большей фрагментации географического знания на Западе, способствуя росту т.н. «гибридной географии» [97], сконцентрированной на изучении как традиционных для географического знания явлений физического пространства, так и тех проблем, внимание на которые географы обратили в рамках культурного поворота и актуализации тенденции к междисциплинарному синтезу.

Во второй половине 1990-х гг. культурные географы были заняты решением проблемы синтеза концептов «пространство» и «культура», признав, что в рамках актуальной культурной географии следует заниматься изучением самого широкого круга проблем, среди которых не только собственно география, но и литература, а также социология и антропология. Кроме этого, ревизии подверглась и история географии [64], которая в большей степени начала рассматриваться в контексте интеллектуальной истории и истории идей. Это, в свою очередь, породило немало откликов относительно роли и места современной географии в системе наук [67]. Зарубежными географами подчеркивалось, что в рамках культурной географии следует изучать «современные парадоксы ежедневной жизни, концептуального пространства культурных моментов, страхов, надежд и проектов» [84]. Вместе с тем подобное расширение, точнее, изменение направления исследований в рамках культурной географии, поставило вопрос о ее принадлежности к географии вообще [57–58].

В настоящее время культурная и связанная с ней социальная география принадлежат к числу наиболее динамично развивающихся и изменяющихся трендов в западной, преимущественно североамериканской, географической науке. При этом сторонники культурной географии [35] периодически вынуждены реагировать на критические выпады [25] приверженцев ортодоксальной версии географического знания. В американских, канадских и европейских университетах защищаются диссертации, которые могут быть отнесены к культурно-географическим. Тематика подобных культурно-географических диссертационных исследований характеризуется широтой и значительным разнообразием. Доминирование социального и культурного, а также растущее внимание к роли политического измерения в географии [21], в новом и качественно другом (про)чтении географического пространства привело к тому, что среда начинает восприниматься как вторичное [26], в значительной степени с подачи Б. Андерсона [6] как воображенное и воображаемое,

явление. С другой стороны, попытки ввести категорию «воображение» в методологический инструментарий географии имели место и в более ранний период [66], причем инициаторами подобных нововведений являлись сами географы. Классическая работа Б. Андерсона не только породила массу как восторженных, так и критических откликов, но и привела к переносу предложенных им методов в другие науки, в том числе в культурную географию.

Принятие парадигмы воображения, признание ее универсальности позволило современной зарубежной географии самым радикальным образом расширить тематику проводимых исследований. Именно в подобной ситуации в культурной и социальной географии сложились новые направления или актуализировались уже существовавшие (историческая география, региональная география, феминистская география [29; 30]) — междисциплинарные области внешне географического, но гораздо более спорного и разноуровневого, знания. Парадигма «воображения» в зарубежной географии оказалась настолько универсальной, что вторгается и в сферу экономической географии [82], которая начинает в большей степени сближаться с культурной географией. В частности, под несомненным влиянием Б. Андерсона и в целом в рамках предложенной им парадигмы написаны работы С. Райкрофт, Р. Джэннесса [78–79], С. Дэниэлса [34], Э. Стрит и С. Коулмэн [86] и других исследователей.

Использование подхода, предложенного Б. Андерсоном, к примеру, позволило проанализировать специфику географического воображения в Англии в контексте формирования концепта английскости (Englishness) [69]. Наряду с национальными идентичностями концепт географического воображения оказался вполне применимым и для изучения истории технических изменений и трансформаций [31] в рамках западной цивилизации. Особую роль в изучении подобных форм воображения в их географическом преломлении сыграло обращение со стороны исследователей к литературным текстам и формированию особого направления — литературной географии [70], что, в конечном итоге, усилило кризисные тенденции в рамках традиционной версии географического знания на Западе, которое в большей степени сближается с другими гуманитарными науками, концентрируясь на изучении географических измерений не совсем географических явлений, в частности литературы.

Подобные географические исследования самым тесным образом пересекаются с историей идей. В частности, П. Фрэйль [45], анализируя специфику городской географии в Европе Раннего нового времени, полагает, что пространство и его трансформации стали вторичными результатами человеческой активности. В этом контексте заметен ревизионистский потенциал культурной географии, в рамках которой под сомнение ставится примат традиционной, физической географии, основанной в большей степени на объективном знании о пространстве, но не на интеллектуальных спекуляциях о нем. Именно в рамках подобного подхода регионы нередко могут интерпретироваться не просто как искусственно воображаемые и воображенные конструкты, но и как «процессы, артефакты, дискурсы и в последнее время как бренды» [93]. В такой ситуации исследователь вынужден отходить от традиционного географического инструментария в пользу методов других социальных и гуманитарных наук. Важным фактором в трансформации географического знания стал т.н. культурный поворот [71], который самым существенным образом изменил и отформатировал пространство гуманитарных наук на Западе, приведя к размыванию границ между отдельными и почти изолированными ранее областями знания. В рамках современной географии признается, что культура и разного рода культурные практики [49] стали важным институтом как в формировании представлений о пространстве, так и самого пространства.

Культурный поворот не только изменил направленность исследований, но и в значительной степени актуализировал междисциплинарные связи современной географии, например, с психоанализом [49]. Культурный поворот содействовал выдвиганию новых тем, приведя в конечном итоге к реконцептуализации культуры в формально «некультурных» областях знания, в том числе и в географии. Вместе с тем это не означает отсутствия в современном научном сообществе географов тенденций к некоей условной «материализации» [60] или даже «рематериализации» географических исследований [63]. В связи с этим английский географ Питер Джексон указывает на то, что «изучение материальной культуры» [57] никуда не уходило и не утрачивало своего значения даже в рамках культурной географии. В современном географическом сообществе сильны и позиции условных традиционалистов, которые полагают, что следует сочетать традиционные методики изучения материальности в пространстве, физической географии с новейшими, заимствованными из других гуманитарных наук.

Новейшая актуализация культурной компоненты в географии привела к тому, что традиционный географический сугубо реальный и материальный объект сместился на второй и третий план, сделав более актуальным не просто изучение пространства, но образов в пространстве и представлений о пространстве, предложенных в рамках тех или иных идентичностей и культурных традиций. Кроме этого, в американской географии стали заметны тенденции к определенной механизации изучаемого пространства [78; 79], которое начало восприниматься как результат намеренной человеческой деятельности (например, в рамках индустриализации), что в определенной степени отодвигало на второй план культурную компоненту в географических исследованиях. С другой стороны, в подобной ситуации географы начали заниматься изучением, казалось бы, не совсем географических проблем, связанных, например, с развитием национальных идентичностей [41]. Неудивительно, что часть современных работ, посвященных национализму, создана с позиций культурной и социальной географии. Поэтому в центре подобных исследований стоят проблемы как реального, так и в значительной степени воображаемого отражения национализма и идентичностей (как сложившихся, так и только формирующихся) в пространстве, которое окружает современные фактически воображаемые / воображенные сообщества.

Восприятию географии как вторичного компонента в знании о пространстве содействует изменение роли того, что ранее могло восприниматься в качестве фона, например, современной массовой культуры. В частности, кино, как полагают современные культурные и социальные географы [28], активно втянуто в процесс формирования географических стереотипов. Другим фактором, по мнению К. Дафф и других географов [39], который оказывает влияние на появление воображаемой географии на локальном / региональном уровне, является доступ к алкоголю или отсутствие такового. Не менее важную роль, по мнению К. ДеСилви [36], в появлении подобных стереотипов и коллективных представлений о пространстве играют различные формальные и неформальные связи между культурной активностью представителей того или иного локального сообщества и то, что в американской культурной географии определяется как «*cultural memory-work*». Поэтому в формировании новейших воображаемых географий особую роль начинают играть не только сугубо географические факторы, но и современное искусство. Ситуация постмодерна, в свою очередь, содействовала фрагментации исследовательского пространства и поэтому на смену некогда существовавшей единой «эссенциалистской» географии приходит несколько географий с «различными географическими эпистемологиями», сфокусированных на изучении не столько физического в пространстве, сколько социальных, культурных, экономических и интеллектуальных пространств, различных форм, методов, тактик и стратегий взаимодействия человека и различных сообществ с окружающим их пространством [43].

Другой альтернативой эссенциалистской географии стала фрагментарная география [3], связанная, в отличие от конструктивистских подходов и интерпретаций, сфокусированных на изучении формирования и воображения пространства, с его разрушением, деконструкцией, вытеснением из сложившихся идентичностей, заменой новыми проектами с иными географическими и пространственными ориентирами. В подобной ситуации возникают и качественно новые условия для анализа политической составляющей географического пространства, что связано, например, с растущей популярностью энергетических сюжетов [21] — изучение географических, политических и экономических факторов в распределении ресурсов в современном мире. Именно поэтому старая, классическая эссенциалистская география постепенно уступила место новым формам эпистемологии [22] и научного познания — интерпретациям, основанным на неэссенциалистском понимании как идентичности, так и пространства.

В подобной ситуации и пространства, и идентичности стали вторичными явлениями в контексте доминирующего и конструирующего их воображения. Кроме этого, 2000-е гг. в развитии североамериканской географии отмечены ростом числа междисциплинарных работ, посвященных межкультурному синтезу в североамериканском пространстве [97], картированию государств и регионов, их открытию, нанесению на разного рода карты (как чисто географические, так и в большей степени воображаемые — ментальные [54]), связи географического, политического и национального воображения на уровне как отдельных стран (США, Канада), так и их регионов (штаты и провинции [88]). Если в той географии, которую условно можно определить как классическую, географ имел дело с теми или иными физическими объектами пространства, имевшими четкую локализацию, то в рамках новой географии стали заметны тенденции к «дислокации» [11, 12], дрейфу объекта из физического пространства в сферу коллективных представлений о нем в рамках того или иного сообщества.

В целом, на современном этапе культурная география представлена целым комплексом близких направлений. Исследования о воображаемой / воображенной географии [81] оказались в рамках западного научного сообщества весьма востребованными. Особую роль в анализе стали играть не географические методы, например, концептуализация отношений между пространством и протекающими в нем социальными, политическими и экономическими отношениями [11, 20]. Дислокация или *displacing* [37] в современной американской географии стала в значительной степени универсальным методом, который используется для изучения и интерпретации размывания связи объекта и пространства в условиях глобализации, культурной и расовой гибридизации. Явление дислокации было связано с попытками интеллектуалов осмыслить не географическое, а культурное расположение стран современного мира. Поэтому, анализируя эти проблемы, в центре внимания западного географического сообщества оказались проблемы центра и периферии, Востока и Запада, Севера и Юга как не географических, а преимущественно политически и культурно воображенных категорий. В подобной ситуации, в условиях нарастающей глобализации и размывания культурных границ [9], изменилось и предназначение географии, которая взяла на себя определенные функции социальных и гуманитарных наук, начав интерпретировать пространство не как физическое явление, но как совокупность культурных, социальных, экономических и политических процессов. На смену физической географии пришли другие географии, которые не вписываются в старую систему координат традиционной науки.

Среди этих новых географий особое место занимают «географии строительства нации-государства» («*Geographies of Nation-State Building*») [8], а сама география [48], помимо истории и политологии, заняла свое место среди наук, которые занимаются изучением национализма. Синтез культурной географии, имаджионалистской парадигмы и националистических штудий привел к появлению целого ряда оригинальных исследований [13–14]. Особую роль в подобных междисциплинарных исследованиях играют работы, посвященные «изобретению» [32] традиций, наций или регионов в географическом контексте той или иной национальной истории. В рамках ментального картирования изучаются социальные явления, в частности, массовые протестные движения. В качестве примера картирования социального американский географ Пол Воттс [95] приводит волнения 1992 г. в Лос-Анджелесе [90]. Гевизуализация протеста, по мнению американских культурных географов [42], в значительной степени повлияла если не на культурную географию [1] города, то на его образ в рамках «большой» и не менее воображаемой географии США в целом. В практики картирования интегрируется и изучение того, каким образом интеллектуалами локализовались / воображались тексты и образы [52], что придает подобным исследованиям междисциплинарный характер, содействуя размыванию границ географии как науки в ее узком, консервативном понимании. В рамках современной культурной географии картированию в одинаковой степени подвержены и подвластны нации [67], различные формы и виды насилия и принуждения (войны, конфликты) [72], традиции и культуры потребления [98].

«Воображение» как категория играет одну из центральных ролей в тех случаях, когда географы обращаются к изучению текстов, анализируя имеющиеся в них разного рода географические образы [74], а также формы и направления отражения и трансформации пространства в географическом воображении [102]. В этом контексте географические штудии в определенной степени сближаются с исследованиями национализма, особенно в тех случаях, если речь идет о конструировании «воображаемых отечеств» [83] в художественной литературе с определенным политическим подтекстом. С другой стороны, воображение не стало универсальной парадигмой географического анализа: западными исследователями признается некая почти абсолютная относительность [33] подобного географического знания, полученного в результате изучения тех объектов, которые ранее не относились к ведению традиционной географической науки, хотя периодически имеют место попытки конструирования нового географического знания, основанного на изучении пространства как текста, текста в пространстве или пространства в тексте [40].

Признание особой связи географии и литературы [24], констатации факта не только встречи [48], но и сближения двух, казалось бы, диаметрально отличных по предмету и объекту исследования научных дисциплин, в новейшей актуальной западной социальной и культурной географии видится едва ли не общей целью значительной части исследований. Особое значение в этом контексте принадлежит «постколониальной географии» [52], сфокусированной на изучении различных, в том числе и географических, проявлений колониализма и постколониализма, гибридных идентичностей и новых идентичностей в западных и незападных сообществах. В рамках новейших культурно-географических исследований особое внимание уделяется проблемам потребления и использования

текста [105]. Некоторые авторы полагают, что тексты отражают и несут в себе различные формы и стратегии как восприятия, так и отношения читателей с пространством. С другой стороны, особое внимание уделяется проблеме появления и становления самих текстов как сложных событий, предназначенных для не менее сложной и разнообразной аудитории. Кроме этого, тексты являются важными каналами и свидетельствами, которые отражают процесс изменения и трансформации пространства.

Таким образом, почти универсальным в новой географической науке стало объяснение и интерпретация, основанная на парадигме воображения — всеобщего процесса создания коллективных впечатлений о пространстве интеллектуалами, которые формировали / предлагали идентичности тем или иным сообществам. Современная культурная география развивается в условиях постоянно углубляющего междисциплинарного синтеза. Культурная география актуализирует методы политических наук, социальных и культурных исследований. Парадигма «воображение» стала интегральной формой междисциплинарного синтеза, что дает ей возможность претендовать на универсальность в последующем развитии культурной географии. Географическое воображение как одна из парадигм новой географической науки привела и к трансформации такого явления, как картирование. Объектами картирования оказались объекты не только физической, но и культурной и социальной географии. Кроме этого, картированию могут быть подвергнуты разного рода культурные предпочтения, региональные политические процессы и противоречия, ситуации развития национализма и строительство наций. В целом, культурно-географические исследования относятся к числу динамично развивающихся направлений в современной географии. Именно культурная география, вероятно, в будущем может стать одним из наиболее динамично развивающихся направлений географической науки, что свидетельствует о необходимости ее дальнейшего изучения и попыток институционализации в России.

Библиографический список

1. *Adams J.S.* The geography of riots and civil disorders in the 1960s // *Economic Geography*. 1972. Vol. 48. No 1. P. 24–42.
2. *Agnew J.A.* Space: place // *Spaces of geographical thought: deconstructing human geography's binaries* / eds. P. Cloke and R.J. Johnston. Thousand Oaks, 2005. P. 81–96.
3. *Akinwumi A.E.* (Un)making place, displacing community: the 'transformation' of identity in a Russia Poland borderland // *Social and Cultural Geography*. 2005. Vol. 6. P. 951–956.
4. *Allen J.* Making space for topology // *Dialogues in Human Geography*. 2011. Vol. 1. No 3. P. 316–318.
5. *Amadeo D., Golledge R.G.* An introduction to scientific reasoning in geography. NY., 1975.
6. *Anderson B.* Imagined Communities. L. NY., 1983.
7. *Anderson J.* Idology in geography: an introduction // *Antipode*. 1973. Vol. 5. No 1. P. 1–6.
8. *Anderson K.* Thinking "Postnationally": Dialogue across Multicultural, Indigenous, and Settler Spaces // *Annals of the Association of American Geographers*. 2000. Vol. 90. No 2. P. 381–391.
9. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalisation. Minneapolis, 1996.
10. *Backhaus G.* Phenomenology / phenological geographies // *International encyclopedia of human geography* / eds. R. Kitchin, N. Thrift. Amsterdam, 2009. P. 137–144.
11. *Barnes T.* Logics of Dislocation: Models, Metaphors, and Meanings of Economic Space. NY., 1996.
12. *Barnes T.J., Minca C.* Nazi Spatial Theory: The Dark Geographies of Carl Schmitt and Walter Christaller // *Annals of the Association of American Geographers*. 2012. Vol. 102. No 1. P. 1–19.
13. *Bassin M.* Imperial visions: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East 1840 1865. Cambridge, 1999.
14. *Bassin M.* Race contra space: The conflict between German Geopolitik and National Socialism // *Political Geography Quarterly*. 1987. Vol. 6. P. 115–134.
15. *Bater J.H.* Soviet town planning: theory and practice in the 1970s // *Progress in Human Geography*. 1977. Vol. 1. No 1. P. 177–207.
16. *Bird J.* Methodology and philosophy // *Progress in Human Geography*. 1977. Vol. 1. No 1. P. 104–110.
17. *Bird J.H.* Methodological implications for geography from the philosophy of K. R. Popper // *Scottish Geographical Magazine*. 1975. Vol. 91. P. 153–163.
18. *Blaut J.M.* A radical critique of cultural geography // *Antipode*. 1980. No 12. P. 25–30.
19. *Bonnett A.* The dilemmas of radical nostalgia in British psychogeography // *Theory, Culture and Society*. 2009. Vol. 26. No 1. P. 45–70.

20. *Bouzarovski St., Bassin M.* Energy and Identity: Imagining Russia as a Hydrocarbon Superpower // *Annals of the Association of American Geographers*. 2011. Vol. 101. No 4. P. 783–794.
21. *Bradshaw M.* The geopolitics of energy security // *Geography Compass*. 2009. Vol. 3. P. 1920–1937.
22. *Braun B.* Buried Epistemologies: The Politics of Nature in (Post)Colonial British Columbia // *Annals of the Association of American Geographers*. 1997. Vol. 87. No 3–31.
23. *Brosseau M.* Geography's literature // *Progress in Human Geography*. 1994. Vol. 18. No 3. P. 333–353.
24. *Buttimer A.* Geography, humanism, and global concern // *Annals of the Association of American Geographers*. 1990. Vol. 80. No 1. P. 1–33.
25. *Callard F.* The taming of psychoanalysis in geography // *Social and Cultural Geography*. 2003. Vol. 4. No 3. P. 295–312.
26. *Caprotti F.* Technology and geographical imaginations: representing aviation in 1930s Italy // *Journal of Cultural Geography*. 2008. Vol. 25. No 2. P. 181–205.
27. *Casey E.S.* Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World? // *Annals of the Association of American Geographers*. 2001. Vol. 91. No 4. P. 683–693.
28. *Cinema and Landscape: Film, Nation and Cultural Geography* / eds. Gr. Harper, J. Rayner. Chicago, 2010
29. *Clarke J.I.* Population geography // *Progress in Human Geography*. 1977. Vol. 1. No 1. P. 136–141.
30. *Clarke R., Anteric M.* Fanny Copeland and the Geographical Imagination // *Scottish Geographical Journal*. 2011. Vol. 127. No 3. P. 163–192.
31. *Cohen P.* Geography Redux: Where You Live Is What You Are // *New York Times*. 1998. March 21
32. *Conforti J.A.* Inventing New England: explorations of regional identity from the Pilgrims to the mid-twentieth century. Chapel Hill, 2000.
33. *Crouch D.* Flirting with space: thinking landscape relationally // *Cultural Geographies*. 2010. Vol. 17. No 1. P. 5–18.
34. *Daniels S., Rycroft S.* Mapping the modern city: Alan Sillitoe's Nottingham novels // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1993. No 18. P. 460–480.
35. *Davidson R.A.* Recalcitrant space: modeling variation in humanistic geography // *Journal of Cultural Geography*. 1997. Vol. 25. No 2. P. 161–180.
36. *DeSilvey C.* Memory in motion: soundings from Milltown, Montana // *Social and Cultural Geography*. 2010. Vol. 11. No 5. P. 491–510.
37. *Displacing Whiteness: Essays in Social and Cultural Criticism* / ed. R. Frankenburg. Durham, 1997.
38. *Domosh M.* Geoeconomic Imaginations and Economic Geography in the Early Twentieth Century // *Annals of the Association of American Geographers*. 2012. Vol. 102. No 1.
39. *Duff C.* Accounting for context: exploring the role of objects and spaces in the consumption of alcohol and other drugs // *Social and Cultural Geography*. 2012. Vol. 13. No 2. P. 145–159.
40. *Duncan K.* The City as Text: The Politics of Landscape Interpretation in the Kandy Kingdom. Cambridge, 1990.
41. *Dunn K.M.* Using cultural geography to engage contested constructions of ethnicity and citizenship in Sydney // *Social and Cultural Geography*. 2003. Vol. 4. No 2. P. 153–165.
42. *Elwood S.* Geographic Information Science: new geovisualization technologies emerging questions and linkages with GIScience research // *Progress in Human Geography*. 2009. Vol. 33. No 2. P. 256–263.
43. *Flirting with Space: Journeys and Creativity* / ed. by David Crouch. Burlington, 2010.
44. *Forde C.D.* Values in human geography // *Geographical Teacher*. 1925. Vol. 13. P. 216–221.
45. *Fraile P.* The Construction of the Idea of the City in Early Modern Europe: Pérez de Herrera and Nicolas Delamare // *Journal of Urban History*. 2010. Vol. 36. No 5. P. 685–708.
46. *Gade D.W.* Cultural geography and the inner dimensions of the quest for knowledge // *Journal of Cultural Geography*. 2012. Vol. 29. No 3. P. 337–358.
47. *Geography and Literature: A Meeting of the Disciplines* / eds. W.E. Mallory, P. Simpson-Housley Syracuse, 1987.
48. *Geography and National Identity* / ed. David Hooson. Oxford, 1994.
49. *Gibson Ch.* Cultures at work: Why 'culture' matters in research on the 'cultural' Industries // *Social and Cultural Geography*. 2003. Vol. 4. No 2. P. 201–215.
50. *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.
51. *Gilmartin M., Berg L.D.* Locating postcolonialism // *Area*. 2007. Vol. 39. No 1. P. 120–124.
52. *Godlewska A.* Map, text and image: The mentality of enlightened conquerors: A new look at the "Description de l'Égypte" // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1995. Vol. 20. P. 5–28.

53. *Hubbard Ph.* Thinking spaces, differently? // *Dialogues in Human Geography*. 2012. Vol. 2. No 1. P. 23–26.
54. *Huber Th.P.* An American Provence. Boulder, 2011.
55. *Inventing places: studies in cultural geography* / eds. K. Anderson, F. Gale. Melbourne, 1992.
56. *Jackson P.* Geography and the cultural turn // *Scottish Geographical Magazine*. 1997. Vol. 113. No 3. P. 186–188.
57. *Jackson P.* Rematerializing social and cultural geography // *Social and Cultural Geography*. 2000. Vol. 1. No 1. P. 9–14.
58. *Jansson D.* Racialization and “Southern” Identities of Resistance: A Psychogeography of Internal Orientalism in the United States // *Annals of the Association of American Geographers*. 2010. Vol. 100. No 1. P. 202–221.
59. *Johnston R.J.* Urban geography: city structures // *Progress in Human Geography*. 1977. Vol. 1. No 1. P. 118–129.
60. *Kearnes M.B.* Geographies that matter the rhetorical deployment of physicality? // *Social and Cultural Geography*. 2003. Vol. 4. No 2. P. 139–152.
61. *King L.J.* Alternatives to a positive economic geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66. P. 293–308.
62. *Kitchin R.* Commentary: Disrupting and destabilizing Anglo-American and English-language hegemony in geography // *Social and Cultural Geography*. 2005. Vol. 6. No 1. P. 1–15.
63. *Lees L.* Rematerializing geography: the ‘new’ urban geography // *Progress in Human Geography*. 2002. Vol. 26. P. 101–112.
64. *Lilley K.D.* Geography's medieval history: A neglected enterprise? // *Dialogues in Human Geography*. 2011. Vol. 1. No 2. P. 147–162.
65. *Livingstone D., Harrison R.T.* Meaning through metaphor: analogy as epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1981. Vol. 71. No 1. P. 95–107.
66. *Lozovsky N.* Telling a new story of pre-modern geography: Challenges and rewards // *Dialogues in Human Geography*. 2011. Vol. 1. No 2. P. 178–182.
67. *Mapping the Nation* / ed. Gopal Balakrishnan. L., 1996. Shapiro M. *Violent Cartographies: Mapping Cultures of War*. Minneapolis, 1997.
68. *Mathewson K.* Geographers and the theory and practice of return fieldwork // *Journal of Cultural Geography*. 2010. Vol. 27. No 3. P. 353–365.
69. *Matless D.* *Landscape and Englishness*. L., 1998.
70. *Matley I.M.* Literary geography and the writer's country // *Scottish Geographical Magazine*. 1987. Vol. 103. No 3. P. 122–131.
71. *Mitchell D.* *Cultural Geography*. Oxford, 2000.
72. *Moran L., Skeggs B., Tyrer P., Corteen K.* Property, boundary, exclusion: Making sense of hetero-violence in safer spaces // *Social and Cultural Geography*. 2001. Vol. 2. No 4. P. 407–420.
73. *Not Yet A Placeless Land: Tracking an Evolving American Geography* / ed. W. Zelinsky. Amherst, 2011.
74. *Noxolo P., Preziuso M.* Postcolonial Imaginations: Approaching a “Fictionable” World through the Novels of Maryse Condé and Wilson Harris // *Annals of the Association of American Geographers*. 2013. Vol. 103. No 1. P. 163–179.
75. *Peet R.* The development of radical geography in the United States // *Progress in Human Geography*. 1977. Vol. 1. No 1. P. 240–263.
76. *Philo Ch., Parr H.* Introducing psychoanalytic geographies // *Social and Cultural Geography*. 2003. Vol. 4. No 3. P. 283–293.
77. *Pickles J.* *Phenomenology, science, and geography: Spatiality and the human sciences*. Cambridge, 1985.
78. *Rycroft S.* Towards an historical geography of nonrepresentation: making the countercultural subject in the 1960s // *Social and Cultural Geography*. 2007. Vol. 8. No 4. P. 615–633.
79. *Rycroft S., Jenness R., Priestley J.B.* Bradford and a provincial narrative of England, 1913–1933 // *Social & Cultural Geography*. 2012. Vol. 13. No 8. P. 957–976.
80. *Sack R.D.* *Homo geographicus: A framework for action, awareness, and moral concern*. Baltimore, 1997.
81. *Schwartz J.* The geography lesson: Photographs and the construction of imaginative geographies // *Journal of Historical Geography*. 1996. Vol. 22. No 1. P. 16–45.

82. *Sellar Ch.* Geographical imaginaries of the 'New Europe' and the 'East' in a business context: the case of Italian investors in Slovakia, Romania, and Ukraine // *Journal of Cultural Geography*. 2009. Vol. 26. No 3. P. 327–348.
83. *Sharp J.P.* Locating imaginary homelands: literature, geography and Salman Rushdie // *GeoJournal*. 1996. Vol. 38. No 1. P. 119–127.
84. *Shields R.* Flow as a New Paradigm // *Space and Culture*. 1997. Vol. 1. No 1. P. 1–7.
85. *Soja E.* *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. NY., 1989.
86. *Street A., Coleman S.* Real and Imagined Spaces // *Space and Culture*. 2012. Vol. 15. No 1. P. 4–17.
87. *Stuart O.* Geography's difficult engagement with the psychological therapies // *Social and Cultural Geography*. 2003. Vol. 4. No 3. P. 313–321.
88. *Takach G.* *Will the Real Alberta Please Stand Up?* Edmonton, 2010.
89. *Taylor P.J.* Political geography // *Progress in Human Geography*. 1977. Vol. 1. No 1. P. 130–137.
90. *The Los Angeles riots: lessons for the urban future* / ed. M. Baldassare. Boulder, 1994.
91. *Thrift N.* Time and Theory in Human Geography // *Progress in Human Geography*. 1977. Vol. 1. No 1. P. 413–457.
92. *Understanding Cultural Geography: Places and Traces* / ed. Jon Anderson. NY., 2010.
93. *Vainikka J.* Narrative claims on regions: prospecting for spatial identities among social movements in Finland // *Social and Cultural Geography*. 2012. Vol. 13. No 6. P. 587–605.
94. *Walmsley D.J.* Positivism and phenomenology in human geography // *Canadian Geographer*. 1974. Vol. 18. P. 95–107.
95. *Watts P.R.* Mapping narratives: the 1992 Los Angeles riots as a case study for narrative-based geovisualization // *Journal of Cultural Geography*. 2010. Vol. 27. No 2. P. 203–227.
96. *Whatmore S.* *Hybrid Geographies: Natures, Cultures, Spaces*. L., 2002.
97. *Wherry F.F.* *The Philadelphia Barrio: The Arts, Branding, and Neighborhood Transformation*. Chicago, 2011
98. *Williams P., Hubbard Ph., Clark D., Berkeley N.* Consumption, exclusion and emotion: The social geographies of shopping // *Social and Cultural Geography*. 2001. Vol. 2. No 2. P. 203–220.
99. *Wise M.J.* On progress and geography // *Progress in Human Geography*. 1977. Vol. 1. No 1. P. 1–11.
100. *Wright J.* *Terrae Incognitae: The Place of the Imagination in Geography* // *Annals of the Association of American Geographers*. 1947. Vol. 37. No 1. P. 1–15.
101. *Wright R.* Some Reflections on Relevance in Rediscovering Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1999. Vol. 89. No 1. P. 155–157.
102. *Writing Worlds: Discourse, Text and Metaphor in the Representation of Landscape* / eds. T. Barnes, J. Duncan. L., 1992.
103. *Yap E.X.Y.* Readers-in-conversations: a politics of reading in literary geographies // *Social and Cultural Geography*. 2011. Vol. 12. No 7. P. 793–807.

Maksim Kirchanov

THEORETICAL FOUNDATIONS OF MODERN AMERICAN CULTURAL GEOGRAPHY

The author analyzes the problems of the genesis and methodological foundations of American cultural geography. Cultural geography is an interdisciplinary field of geographical and cultural studies. The first elements of cultural geography can be dated by the 1950s and the 1960s. Cultural geography was institutionalized in the 1980s. The concepts of "imagination" and "invention" play a special role in the development of cultural geographical studies. Modern cultural geography is among the fastest growing multi-disciplinary areas of geography.

Keywords: methodology, geography, cultural geography, "imagination", "invention"

Maksim Kirchanov, DrSc in History, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economics, Voronezh State University, Voronezh, Russia